

Фантастика – в книгах, в жизни – жизнь

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Сегодня старейшему и известнейшему журналисту области, более сорока лет проработавшему в газете «Северный край», Виктору Кирилловичу Храпченкову исполняется 75. Подписчики со стажем прекрасно помнят его интереснейшие статьи по истории, краеведению, о спорте и интересных людях. Даже в, казалось бы, хорошо известном сюжете умеет Виктор Кириллович найти неожиданный поворот. А ещё он – автор нескольких книг. Первым, ещё в 60-е годы, выпустил книгу о Терешковой. А совсем недавно вышла его книга о маршале Толбухине.

«ПРЕДАНЫ СТАРИНЫ – НЕ ПРО МЕНЯ»

Это только кажется, что молодым людям вспомнить дела давно минувших дней – хлебом не корми, были бы только слушатели. Ан нет, наш герой – не из таких. Будучи настоящим газетчиком, Виктор Кириллович живёт днём сегодняшним, полагая, что «преданья старины глубокой», особенно касающиеся лично его скромной биографии, вряд ли могут быть кому-то интересны. И всё-таки...

Родился Виктор Кириллович в Москве 13 сентября 1932 года. И хотя жизнь его сложилась достаточно счастливо, число, на которое пришлось его рождение, – тринадцать – он нет-нет, да и отметит мысленно, особенно когда что-нибудь не складывается. Хотя пустяки всё это, суеверие.

Родители юного москвича Виктора Храпченкова коренными столичными жителями не были (оба – уроженцы Смоленской губернии), однако в Москве обжились быстро. Мама, Любовь Алексеевна, была из семьи деревенского учителя, родители отца, Кирилла Борисовича, крестьянствовали.

— Мои родители были, как теперь принято говорить, интеллигенты в первом поколении, – рассказывает Виктор Кириллович. – Мама была научным сотрудником в Академии медицинских наук, имела много научных работ. Но поскольку во время войны многие документы были уничтожены из-за опасения, что нашими научными наработками смогут воспользоваться фашисты, сейчас я даже не могу сказать, в какой сфере медицины она специализировалась. Отец работал в военной промышленности.

«Я ПОВЕДУ ТЕБЯ В МУЗЕЙ»

— Я прекрасно помню день, когда началась война, – рассказывает Виктор Кириллович, – на этот день у нас был запланирован первый в моей жизни культпоход в Третьяковскую галерею. Наш дом стоял на окраине, рядом располагалось трамвайное депо (что «депо» – это все так думали, а потом выяснилось, что на самом деле это была какой-то гараж метрополитена, но это почему-то держалось в тайне). Так вот, сели мы с отцом в трамвай и поехали в «третьяковку», предвку-

шая моё знакомство с шишкинскими медведями и васнецовскими богатырями. Но уже на второй или третьей остановке пассажиры в трамвае тревожно зашумели, потом загворили громко, во весь голос – «война!» Однако отец – по инерции ли, намеренно ли – когда ещё доведётся? – все-таки привёл меня в музей. В тот

фото Вячеслава ЮРАСОВА

день мы были единственными посетителями Третьяковской галереи.

Практически сразу после запомнившегося на всю жизнь культпохода в музей семья отправилась в эвакуацию.

ПРОСНУЛСЯ, А РЯДОМ – СКЕЛЕТ

В эвакуации, в городе Ижевске, семья Храпченковых прожила чуть больше двух лет. Родители практически круглые сутки пропадали на работе, а Любовь Алексеевна, мать Виктора Кирилловича, которого в те годы, понятно, по отчеству еще никто не величал,

Ангелина Николаевна – супруга Виктора Кирилловича – тоже ветеран «Северного»: она много лет работала корректором.

как ни в чём не бывало. Я, как оказалось впоследствии, настолько привык к этим ночным медицинским лекциям, что мог безошибочно сказать, где у человека какая мышца расположена и как какой нерв называется. А по поводу детских страхов, так это надо было знать мою маму. Однажды я пришёл навестить её на работе (раз уж она сутками дома не появлялась), а она оперирует собаку (что была за операция – не могу сказать, не знаю). Так вот, моя мама вместо того, чтобы сказать «сын, подожди, я сейчас освобожусь», протягивает мне какие-то инструменты и просит пережать пару кровеносных сосудов. Вот и посудите сами, станешь ли тут каких-то скелетов пугаться?

НАХОДЧИВОСТЬ – ПЕРВОЕ ДЕЛО

В Ижевске семья Храпченковых поселилась в двухэтажном доме старой постройки: хозяйка дома переехала на второй этаж, а эвакуированным москвичам предоставили комнату на первом. Школа, в которой продолжил учёбу маленький Витя Храпченков, работала в три смены и, отучившись в последнюю, третью смену, можно было сразу же по возвращении домой ложиться спать: так поздно занятия заканчивались. И вот однажды, вернувшись поздним вечером из школы домой, мальчик обнаружил, что дома-то никого и нет. А дело было зимой.

— Зима в Ижевске – не то, что у нас, в средней полосе. Холодно было – просто жуть. Ну, и что мне, пацану, делать у закрытой двери? Либо ложись и сразу замерзай, потому что знакомых – никого нет, либо думай, как в дом попасть. А внизу входной двери была прорезана небольшая дырка, чтобы хозяйская собака могла по своему усмотрению забежать в дом и покидать его, не тревожа людей. Надо, думаю, пролезать как-то в этот собачий лаз: другого-то пути все равно нет. Отгреб руками-ногами снег от ды-

ры, протиснул в лаз одну руку по плечо и голову (помнил ведь откуда-то, что надо именно в такой последовательности пробираться!) и... застрял. Ногами упереться не во что, рукой зацепиться и подтянуться не за что – хоть плачь!

— И как же вы выбрались?

— Поняв, что перспектива меня ожидает не веселая – замерзну, попросту говорю, до возвращения родителей, я начал ввинчиваться в эту дырку! С трудом, но протис-

нулся. В коридоре было не намного, но всё-таки теплее, чем на улице. Там и дождался взрослых.

НА САМОМ ИНТЕРЕСНОМ МЕСТЕ!

Сколько себя помнит, всю жизнь, Виктор Кириллович был запойным книжником. Причём, что примечательно, из его памяти совершенно ускользнул момент, как и когда он научился читать. Одно помнит точно – специально грамоте его никто не учил.

— У меня всегда было много книжек, и я обожал их рассматривать, – вспоминает Виктор Кириллович, – а потом вдруг выяснилось, неожиданно даже для меня самого, что я не просто листаю странички, а читаю.

Зато свою первую книгу, прочитанную самостоятельно от корочки до корочки, наш герой помнит по сей день: это был «Гиперболоид инженера Гарина».

— Серьёзное чтение, учитывая, что читать вы научились ещё до школы...

— Да, литературой меня снабжала библиотекарь из института, где работала мама. Специальной детской литературы в научном институте, ясно дело, не было, вот она и подбирала на свой вкус книги, которые могли бы заинтересовать молодого человека моих лет.

Запомнилась на всю жизнь не только сама книга, но и то, как каким ухищрением пришлось прибегнуть, чтобы её прочесть.

— Электричества почему-то не было. Почему не зажёл ни керосиновой лампы, ни свечей, я сейчас уже не помню – то ли в голову не пришло, то ли просто не нашёл. Не о том разговор... – о чтении. Неумолимо надвигались сумерки, а книга была ещё не дочитана. Чем ниже садилось солнце, тем ближе я перебирался к окошку. Потом встал вплотную к окну – читаю. Солнце ниже – я, читая, залез на подоконник. Когда совсем не стало хватать света, додумался принести зеркало, чтобы ловить последние лучи (вот она где, научная

фантастика!) и в таком виде – одной руке – зеркало, в другой книга, я стоял на подоконнике, читал, не отрываясь...

— А в школе вы хорошо учились?

— Элементарный, казалось бы, вопрос, поверг моего собеседника в глубокую задумчивость.

— Вы знаете, не помню... – верно, хорошо, если по окончании школы получил серебряную медаль. Но из всей учёбы помню только чтение в начальных классах и литературу – в старших.

КАЛЕЙДОСКОП ВОСПОМИНИЙ

Вся остальная школьная жизнь, с исключением десятилетия, за исключением конечно долгих часов, посвящённых любимому занятию – чтению, осталась в памяти Виктора Кирилловича кратковременными вспышками воспоминаний.

...Вот он стоит у доски, отчаянно жестикулирует, показывает на него пацанами. Недоумённо осматривая и всё вокруг, наш герой обнаруживает рядом с собой на спокойном сидящего мышонка, который сосредоточенно смотрит вверх, на мальчика, то слушает приготовленный урок. Оказалось, что ребята из мышонка подкармливали зверёк и пришёл за обычным угощением.

...А однажды в школьном модельном спектакле Виктора Храпченкову была поручена роль немца. Какая именно постановка – за давностью уже и не вспомнишь, но вот шпильки из крашенной луковой шелухи холстины, с двумя чёрными заплатками на...хм! ...сзади, которые был наряжен тот сам «фриц», почему-то запомнились.

...Остались в памяти и большие поединки с консервной банкой вместо мяча (настоящий мяч для мальчишек военный, лихорадочный недосылок мечтой!). Но и банкой было плохо послать пас-другой в ятлею по дороге в школу, пацан (на время занятий) банка тщательно маскировалась где-нибудь в кустах, а уж после урока такие футбольные баталии катывались – ого-го!

О ТОМ, ЧТО БЫЛО ПОТОМ

А потом началась долгая интересная жизнь, о которой можно написать не одну книгу. Серебряная медаль по окончании школы, переезд в Ялву, поступление в педагогический институт, занятия абакикой под руководством мениного на всю страну трактора, профессора акробата Владимира Коркина, первая публикация в газете «Юность» – словом, несмотря на то, что Виктор Кириллович собственным мемуарам, что вспомнить. Только это совсем другая история.

Лариса Д